Вегетарианка

Автор:
Ган Хан

Вегетарианка

Ган Хан

Шорт-лист (АСТ)

Прекрасная и тревожная книга о бунте и табу, насилии и чувственности, а главное – о болезненных метаморфозах души.

Ёнхе и ее муж вели самую обычную, размеренную жизнь, пока она не начала видеть кошмары. Сновидения – навязчивые образы крови и жестокости – мучают Ёнхе. Чтобы очистить сознание, она полностью отказывается от мяса. Это лишь маленький акт неповиновения, но он вскрывает непрочность ее брака и запускает цепочку все более странных событий.

Отмеченный критиками всего мира роман «Вегетарианка» – это мрачная, кафкианская аллегория о власти, наваждении и борьбе, которую ведет женщина, желающая освободиться от насилия снаружи и внутри себя.

Ган Хан

Вегетарианка

© Ли Сан Юн, перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Вегетарианка

* * *

Пока жена не стала вегетарианкой, мне и в голову не приходило, что она какая-то особенная. Если говорить начистоту, при первой встрече я не нашел в ней ничего привлекательного. Не высокого и не маленького роста, не длинная и не короткая стрижка, желтоватого оттенка сухая кожа, обычные глаза, немного выступающие скулы, одежда блеклых тонов – словно страх выразить свою индивидуальность мешал ей выбрать яркие цвета. Она подошла ко мне, ожидавшему ее за столиком в кафе, в черных туфлях самой простой модели. Подошла не быстрой и не медленной, не смелой и не тихой походкой.

В ней не было изюминки, однако и особые недостатки не бросались в глаза, и поэтому она стала моей женой. Мне не приходило в голову искать хоть какой-то намек на изящество, или изобретательность, или оригинальность, но меня вполне устраивал ее скромный характер. Для того чтобы понравиться ей, я не притворялся умным и образованным, не дергался, опаздывая на встречу с ней, не маялся, невольно сравнивая себя с мужчинами из модных журналов: причин для этого не было. Мне не пришлось особо нервничать ни по поводу живота, начавшего выпирать еще до тридцати, ни по поводу тонких ног и предплечий, при всем моем старании не желавших обрастать мускулами, ни по поводу маленького члена – источника моего тайного комплекса неполноценности.

Так уж я устроен, что мне никогда не нравилась чрезмерность, в чем бы она ни проявлялась. В детстве я ходил петухом, играя роль предводителя дворовой шпаны младше меня на два-три года; когда вырос, поступил в тот университет, где мог без усилий получать стипендию, а затем вполне довольствовался пусть небольшим, но стабильным жалованьем в маленькой фирме, где высоко ценили мои отнюдь не выдающиеся способности. Поэтому и женитьба на самой что ни на есть непримечательной с виду женщине стала для меня естественным выбором. Те, кого называли красивыми, или умными, или вызывающе сексапильными, или дочери богатого папеньки, изначально представлялись мне

существами, с кем не оберешься хлопот, не более того.

Оправдав мои ожидания, она без всякой суеты выполняла обязанности заурядной жены. Каждое утро просыпалась ровно в шесть, варила рис, суп, поджаривала кусок свежей рыбы и подавала на стол; кроме того, имея опыт подработки еще со студенческих лет, вносила свою лепту в наш семейный бюджет. Уже год она, устроившись почасовиком, преподавала в каком-то институте, где обучают компьютерной графике, а еще подвизалась на ниве комиксов, выполняя дома работу для издательства: вставляла в «словесные пузыри» речь персонажей рисованных историй.

Жена была молчаливым человеком. С просьбами обращалась ко мне редко и, как бы поздно я ни возвращался с работы, не интересовалась почему. Иногда у нас совпадал выходной, но даже в такие дни она не просила меня куда-нибудь ее сводить. Каждый вечер, пока я с пультом в руке валялся у телевизора, жена торчала в своей комнате. Должно быть, занималась там своими комиксами или читала – если и было у нее какое-то увлечение, так всего лишь чтение, да и то почти все ее книги выглядели настолько скучными, что не вызывали никакого желания открыть и полистать, – и выходила только ко времени обеда или ужина, чтобы молча приготовить еду. В самом деле, жизнь с такой женой точно не назовешь интересной. Но я благодарил небо за то, что мне досталась не такая, что с утра до ночи сидит на телефоне, то и дело отвечая на звонки коллег и подруг, и не такая, что время от времени пилит мужа и устраивает крикливые семейные разборки: очень уж меня утомляют такие женщины.

Если и была какая-то особенность у жены, так это ее нелюбовь к бюстгальтерам. В наш короткий и пресный период ухаживания однажды я случайно положил руку ей на спину и, не ощутив под свитером бретелек, пришел в возбуждение. Может, она подает мне некий молчаливый знак, подумал я, и, чтобы понять, какой именно, стал наблюдать за ее поведением другими глазами. И выяснил: ничего она мне не подает, у нее и в мыслях нет никаких знаков. Но если это не знак, то что: лень или безразличие? Я не мог понять. Пышной грудью она похвастаться не могла, и, по правде, стиль «no bra» совсем ей не шел. Уж лучше бы она носила бюстгальтеры, заполненные поролоном, и я мог бы возвыситься в глазах друзей, показывая им будущую жену.

С первых же дней после свадьбы она ходила по дому без лифчика. Только летом, отправляясь куда-нибудь по делам, заставляла себя надевать его, да и то чтобы под одеждой не выступали пуговки сосков. Однако не проходило и часа, как она

расстегивала крючки. В светлой тонкой блузке или облегающей кофточке такая вольность оказывалась заметной, но ее это не заботило. На мой упрек она сравнила бюстгальтер с жилеткой, напяленной в жаркий душный день. И в оправдание добавила, что не может терпеть, когда сдавливается грудь. Что касается меня, то мне не доводилось носить эту деталь дамского туалета, поэтому и знать не дано, насколько в нем тяжело дышится. Однако убедившись, что другие женщины не кажутся ненавистницами бюстгальтера, как она, я засомневался в такой повышенной чувствительности.

А все остальное меня в ней устраивало. Пошел уже пятый год нашей совместной жизни, но поскольку пылкой любовью мы никогда не страдали, то ни особых разочарований, ни усталости друг от друга мы не чувствовали. До прошлой осени, пока квартира не стала нашей собственностью, мы не планировали обзаводиться детьми, но потом я начал подумывать, не пора ли и мне услышать слово «папа». До того раннего февральского утра, когда я увидел жену, стоящую на кухне в ночной сорочке, мне трудно было даже вообразить, что наша жизнь может хоть как-то измениться.

* * *

– Ты чего там стоишь? – спросил я, собираясь зажечь свет в ванной. Кажется, до рассвета еще час-другой оставался. Из-за полутора бутылок сочжу[1 - Сочжу – корейская водка.], выпитых вечером в компании сослуживцев, я проснулся от ощущения переполненного мочевого пузыря и с пересохшим горлом.

– Не слышишь, что ли? Что ты там делаешь?

Я поежился от холода и посмотрел на нее. Сон пропал, я протрезвел. Она стояла как вкопанная, не сводя глаз с холодильника. Выражение лица жены, стоящей вполоборота, скрывала темнота, но вся ее фигура подействовала на меня как-то угнетающе. Некрашеные густые черные волосы взъерошились и торчали во все стороны. Как всегда, край белой ночной сорочки, доходящей до лодыжек, свернулся трубочкой и казался немного приподнятым.

По сравнению со спальней на кухне было довольно холодно. Обычно жена, любившая тепло, спешила накинуть кофту и сунуть ноги в меховые тапочки. Интересно, и давно она так стоит: босиком, в тонкой ночнушке, которую носила с весны до зимы? Стоит как истукан, с таким видом, будто ничего не слышит.

Казалось, на месте холодильника стену подпирает невидимый глазу человек или, может быть, какой-то дух. Неужели она стала лунатиком? Где-то мне приходилось слышать об этой болезни.

Я подошел к жене, глядя на ее профиль, непроницаемый, как у каменного изваяния.

– Почему ты стоишь здесь? Что с тобой?..

Моя рука легла ей на плечо, и неожиданно для меня прикосновение совсем ее не испугало. Должно быть, она не потеряла разум и осознавала все: что я вышел из спальни, задал вопрос и даже то, что подошел к ней. Просто всему этому не придала значения. Как бывало иногда, когда, поглощенная телесериалом, который шел по ночам, она, даже услышав щелчок замка входной двери, не не реагировала на то, что я вернулся домой. Но что могло так завладеть ее вниманием в четыре утра на темной кухне перед белесой дверью холодильника объемом четыреста литров?

– Послушай, дорогая!

В темноте проступило ее лицо. Таким я видел его впервые: холодный блеск в глазах, плотно сжатые губы.

– …Я видела сон.

Голос прозвучал четко.

– Сон? О чем ты? И вообще, ты знаешь, который час?

Она отвернулась от меня и медленно двинулась в спальню. Переступив через порог, вытянула руку назад и тихо закрыла дверь. Я остался в темной кухне один, стоял и смотрел на эту дверь, за которой скрылась белая фигура жены.

Включил свет и вошел в ванную. В последние дни температура на улице держалась около десяти ниже нуля. Несколько часов назад, принимая душ, я забрызгал резиновые шлепанцы, и они до сих пор оставались холодными и влажными. От черной дырки вентилятора над унитазом, от пола и белого кафеля

на стенах исходило ощущение печали и одиночества, навеянное холодной зимой.

Войдя в спальню, я не услышал никаких звуков с той стороны, где, свернувшись калачиком, лежала жена. Мне даже показалось, что в комнате, кроме меня, никого нет. Конечно же, я заблуждался. Прислушался и едва расслышал тихое дыхание. Однако спящий человек дышит иначе. Стоило только протянуть руку, и я нащупал бы теплое тело. Но почему-то я не смог дотронуться до нее. И говорить с ней совсем не хотелось.

* * *

Проснувшись, я обнаружил себя в постели и, на секунду потеряв ощущение реальности, уставился на окно с белыми занавесками, через которые вовсю светили лучи утреннего зимнего солнца. Приподнявшись, взглянул на настенные часы и тут же, подскочив, пнул дверь и выскочил из спальни. На кухне возле холодильника увидел жену.

– С ума сошла? Почему не разбудила? Посмотри, который уже…

Я остановился на полуслове, наступив на что-то мокрое. Передо мной предстала такая картина, что я не мог поверить своим глазам.

Все еще в ночной сорочке, распустив взлохмаченные волосы, она, как и ночью, сидела скорчившись перед холодильником. Все пространство на полу кухни вокруг ее белой фигуры было заставлено – некуда ступить – пластиковыми контейнерами и черными полиэтиленовыми пакетами. Тонко нарезанные кусочки говядины для сябу-сябу[2 - Популярное японское блюдо, состоящее из тонких кусков мяса, грибов, овощей и соуса.], свиная грудинка для жарки, две говяжьи ноги, кальмары в вакуумной упаковке, хорошо высушенный угорь и связка вяленой желтой горбуши, недавно присланные из деревни тещей, нераспечатанные пачки замороженных пельменей и еще много разных свертков неизвестно с чем. Всю эту еду, шелестя пакетами, одну за другой жена отправляла в огромный мусорный мешок.

– Что ты делаешь?!

Я закричал, потеряв, наконец, контроль над собой. Как и вчера, не замечая моего присутствия, она продолжала свое дело. Опустила в мешок упаковки с мясом, с кусочками курятины, с морским угрем стоимостью как минимум двадцать тысяч вон.

– Ты в своем уме? Зачем все это выбрасывать?

Я бросился к ней, спотыкаясь о разложенные пакеты, и вцепился в ее запястье. Неожиданно я наткнулся на сильное сопротивление, и, прежде чем она выпустила мешок из рук, мне пришлось так напрячься, что бросило в жар. Потирая левой рукой запястье правой, жена невозмутимо произнесла все ту же фразу:

– Я видела сон.

Опять за свое. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, когда она посмотрела прямо мне в глаза. Резко зазвенел мобильный телефон.

– Твою мать!

Я схватил пальто, оставленное вчера ночью на диване, и начал судорожно шарить по карманам. Из последнего, внутреннего, вытянул трезвонивший телефон.

– Прошу прощения. Дома возникли проблемы… Извините, пожалуйста. Я постараюсь выйти как можно скорее. Нет, я скоро буду в офисе. Только немного… Нет, пожалуйста, не надо. Только немного подождите. Я, честно, очень виноват. Мне нечего больше сказать…

Захлопнув крышку мобильного, побежал в ванную. Брился в такой спешке, что порезался в двух местах.

– Выглаженной рубашки нет?

Ответа не последовало. Я помчался назад, из стоящей перед ванной корзины для грязного белья вытащил брошенную туда вчера рубашку. К счастью, она оказалась не слишком мятой. Я обмотался галстуком, как шарфом, натянул

носки, проверил, на месте ли ежедневник, кошелек, а она все это время так и оставалась на кухне. Впервые за пять лет жизни в браке жена не вышла меня проводить, и мне пришлось уйти на работу, не почувствовав на себе ее заботу.

– С ума сошла. Совсем двинулась.

Сминая задники, втиснул ноги в недавно купленные узкие туфли. Пинком распахнул входную дверь, выскочил из квартиры, увидел, что лифт торчит на последнем этаже, пробежал три пролета лестницы, в метро успел в последнюю секунду заскочить в вагон и только тогда увидел свое отражение в темном окне поезда. Пригладил волосы, повязал галстук, ладонью расправил складки на рубашке. Равнодушное до ужаса лицо жены, ее твердый голос всплыли в памяти уже после.

Она дважды сказала, что видела сон. Ее лицо промелькнуло в окне мчавшегося поезда, пронзило темноту тоннеля. Оно казалось незнакомым, как при первой встрече. Однако размышлять о жене, о ее странном поведении уже не было времени. За тридцать минут мне следовало продумать, как оправдаться перед клиентом, а затем – как преподнести ему проект предложения. «Сегодня во что бы то ни стало надо уйти с работы пораньше. Ведь с тех пор как тебя перевели в другой отдел, за несколько месяцев ты ни разу не пришел домой до полуночи», – бурчал я сам на себя.

* * *

Темный лес. Никого вокруг. Продираясь сквозь густые заросли, поцарапала лицо и руки об острые листья. Кажется, я пришла со спутником, но куда-то забрела одна и потеряла дорогу. Страшно. Холодно. Прошла через замерзшее ущелье, и появилось красное строение, похожее на сарай. Приподняла соломенную циновку, висевшую вместо двери, и вошла. И сразу их увидела. Несколько сотен кусков мяса. На длинных бамбуковых перекладинах висели огромные красные туши животных. Из некоторых еще капала не успевшая свернуться алая кровь. Я бросилась вперед, то и дело натыкаясь на мясо и отталкивая его от себя, но выхода на другом конце не было видно. Моя белая одежда вся пропиталась кровью.

Не знаю, как я вырвалась оттуда. Помчалась назад через ущелье и побежала дальше. Вдруг лес начал светлеть, показались весенние деревья с густой

зеленой кроной. Повсюду копошились дети, запахло чем-то вкусным. Здесь собрались семьи, много семей, и устроили пикник. Эта картина показалась необыкновенно яркой. Весело журчал ручей, рядом с ним на ковриках сидели люди, они ели кимпап[3 - Корейский вариант японских роллов с различной начинкой.]. Где-то жарили мясо, раздавалась песня, звенел радостный смех.

Но мне было страшно. Моя одежда по-прежнему в крови. Пока меня никто не заметил, спряталась за деревьями. Мои руки в крови. Мой рот в крови. Ведь я подобрала и съела упавший кусок. Сочное сырое мясо терлось о мои десны и нёбо, оставляя кровавый след. В луже крови на полу сарая сверкнули мои глаза.

Не может быть настолько реальным вкус сырого мяса, которое я жевала. И мой взгляд, мое лицо. Оно кажется чужим, но это точно мое лицо. Нет, наоборот. Я видела его много раз, но это не мое лицо. Не могу объяснить. Привычное и в то же время незнакомое… это живое и странное, до ужаса странное ощущение.

* * *

На столе, накрытом женой для ужина, лежали листья салата, стоял вареный рис, соевая паста, суп из морской капусты, сваренный без говядины и моллюсков, и кимчхи. И все.

– Что это? Из-за своего дурацкого сна ты выбросила все мясо? Да знаешь ли ты, сколько денег пустила по ветру?

Я встал из-за стола и открыл морозильную камеру. Она оказалась почти пустой. Упаковка порошка из обжаренных зерен, молотый красный перец, молодой зеленый перец и пакетик измельченного чеснока.

– Пожарь хотя бы яичницу. Я и правда сегодня устал. И в обед не удалось нормально поесть.

– Яйца выбросила.

– Что?

– И молоко уже не пью.

– С ума сойти! И мне тоже прикажешь не есть мясо?

– Я не могу держать подобное в холодильнике. Не вынесу.

Как она может думать только о себе! Я посмотрел ей прямо в лицо. Опущенные глаза, выражение спокойное как никогда. Неожиданно для меня. Оказывается, где-то в ней сидел вот такой эгоизм, таилось вот такое своенравие. Оказывается, она просто безрассудная женщина!

– И что, теперь в этом доме нельзя есть мясо?

– Но ты же всегда здесь только завтракал. Ведь мясо ты часто ешь в обед, на ужин… И не умрешь, если утром останешься без мясного.

Жена ответила так, разложив все по полочкам, будто только ее выбор единственно разумный и правильный.

– Ладно. Оставим меня как есть, а ты? Ты теперь отказываешься от мяса, так?

Она кивнула.

– Да? До каких пор?

– …Навсегда.

Я онемел. О растительной пище как о модном веянии последних лет и мне приходилось слышать. Я знал, что люди становятся вегетарианцами или ради здоровья на долгие годы, или чтобы поправить свой организм, избавиться от аллергии, или, как ее еще называют, атопии, или чтобы помочь сохранить окружающую среду. Конечно, верующие, ушедшие в буддийские храмы, отказываются убивать живых существ – есть у них такой великий принцип, – но она-то не девочка в переходном возрасте, чтобы так себя вести. Зачем ей это? Вроде не собиралась ни худеть, ни лечиться от какой-то болезни, ни черт никакой в нее не вселялся, а просто ей, видите ли, однажды приснился кошмарный сон и она решила перестать есть то, что ела всю жизнь. И еще с таким упрямством взялась за это дело, а намерения мужа, его желания, значит, можно не учитывать?

Если бы с самого начала мясо вызывало у жены тошноту, я бы как-то мог ее понять. Однако еще до женитьбы я отметил ее интерес к вкусной еде, и это мне очень понравилось. Привычным движением переворачивая уложенные на жаровне тонкие куски мяса, она выбирала из них уже поджаренные до золотистой корочки и разрезала на маленькие кусочки, держа в одной руке щипцы, а в другой большие ножницы, и весь вид ее вызывал доверие. Еда, которую она готовила по выходным уже после женитьбы, также отличалась отменным вкусом. Замаринованная в имбирном сладком соусе и поджаренная ароматная свиная грудинка, тончайшие ломтики говядины для сябу-сябу, посыпанные черным перцем и солью, выдержанной в стволе бамбука, заправленные кунжутным маслом, обвалянные в рисовой муке и уложенные на сковородку, – так готовила только она. А каков был пибимпап[4 - Смесь из вареного риса, мяса, овощей, куриного яйца, острого соевого соуса.] из поджаренного на кунжутном масле говяжьего фарша, замоченного в воде риса и проросших соевых бобов! Нельзя не вспомнить и нарезанную на куски курятину, сваренную с крупной картошкой и сдобренную жгучим красным перцем. Я мог умять за один присест три миски этой вкуснятины, острый бульон которой проникал в каждую клетку тела.

А теперь на стол, накрытый женой, и смотреть не хочется. Невозмутимо сидя на стуле, она отправляла в рот даже на вид невкусный суп из морской капусты. В лист салата положила большую ложку риса с горкой, соевую пасту, завернула, отправила в рот и начала жевать.

Я ничего не знал. Я ничего не знал об этой женщине. Эта мысль вдруг пронзила меня насквозь.

– Не будешь есть?

Таким небрежным тоном средних лет мамаши, родившие и вырастившие четверых, а то и больше детей разговаривают со своими отпрысками. Не обращая никакого внимания на меня, стоящего в растерянности и не сводящего с нее глаз, она долго с хрустом пережевывала кимчхи.

* * *

До самой весны у жены ничего не изменилось. Каждое утро я должен был есть одну траву, но это меня уже не беспокоило. Если один человек меняется до мозга костей, то второму только и остается что подстроиться под него.

Она высыхала с каждым днем. И без того выступающие скулы некрасиво заострились. Без косметики кожа выглядела блеклой, как у больного. Если бы каждый, перестав есть мясо, худел бы так, как моя жена, то никто бы не тратил столько сил для снижения веса. Но я знал. Знал, что она худеет не из-за растительной пищи. А из-за своего сна. Хотя на самом деле она почти не спала.

Жена не отличалась расторопностью. Раньше часто бывало, что она уже видела десятый сон, когда я поздно ночью возвращался с работы. Однако сейчас она не спешила в спальню даже после того, как я, придя домой за полночь, принимал душ и ложился в постель. Книг не читала, в интернете не чатилась, ночной кабельный канал не смотрела. И работы по впихиванию прямой речи в словесные пузыри в комиксах не могло быть так много.

Лишь ближе к рассвету, около пяти, жена укладывалась рядом и то ли спала, то ли дремала, не знаю, но примерно через час раздавался короткий стон, и она вставала. Растрепанные волосы, смятое лицо, воспаленные глаза в окантовке покрасневших век – в таком виде она готовила мне завтрак. Сама же к еде не притрагивалась.

Но больше всего меня волновал ее отказ заниматься сексом. Раньше жена всегда без каких-либо отговорок шла навстречу требованиям моего тела, а порой и сама первая возбуждала во мне желание. Однако в последнее время едва я касался ее плеча, как она потихоньку отворачивалась. Как-то я спросил причину отказа:

– У тебя какие-то проблемы?

– Я устала.

– Вот поэтому я и говорю: ешь мясо. Без него и сил у тебя нет. Ведь раньше ты такой не была.

– На самом деле…

– Что?

– …Я не могу, потому что от тебя пахнет.

– Пахнет?

– Да, мясом. Твое тело пахнет мясом.

Я захохотал.

– Ты что, не видела? Я только что принял душ. Откуда взяться запаху?

Она ответила искренне:

– …Из каждой поры, откуда выходит пот.

Иногда меня посещали мрачные мысли. А если она находится на первой стадии безумия? Ведь такое поведение может оказаться началом болезни, связанной с какой-нибудь паранойей, или бредовой идеей, или неврастенией. Я только слышал о них.

Однако было бы трудно утверждать, что ее охватило какое-то сумасшествие. Как и прежде, она говорила мало и дом содержала в порядке. В воскресенье делала два салата из зелени, готовила лапшу из картофельной муки с жареными овощами и вместо положенного мяса добавляла туда грибы. Учитывая, что в наши дни вегетарианские блюда пользуются популярностью, никто не усмотрел бы в этом ничего странного. Вот только спать она не могла, и когда утром я спрашивал, почему она так выглядит – подавленной, с отсутствующим взглядом, словно что-то сильно гнетет ее, – отвечала лишь одно: «Видела сон». Я не интересовался, что это за сон. Желания выслушивать еще раз о каком-то сарае в темном лесу, о кровавой луже, где отразилось лицо, не возникало.

Она загнала себя в этот закрытый для меня сон, куда не было пути и о котором я и знать не хотел, и, мучаясь там, продолжала сохнуть. Сначала казалось, она станет худенькой, как балерина, но дело кончилось тем, что от нее остались только кожа да кости, как у больного человека. Каждый раз, когда в голове появлялись нехорошие мысли, я начинал размышлять. Если посмотреть на моего

тестя – он живет в маленьком городке, где держит лесопилку и продуктовую лавку, а также на его старшую дочь и сына, людей с хорошим характером, то никогда не придет в голову, что в их роду у кого-то может быть психическое отклонение.

Стоит вспомнить родственников жены – и в памяти сразу всплывает их дом, где витает вкусный дымок, приправленный запахом подгорающего чеснока. Пока мужчины пьют сочжу, закусывая тонкими ломтиками мяса, капли жира с которого падают с треском на жаровню, женщины на кухне громко обсуждают новости. Все члены семьи, особенно тесть, любили сырое мясо под острым маринадом, теща сама умело разделывала живую рыбу, а их дочери, орудуя большим, как у мясников, тесаком, легко резали на кусочки курицу. Мне нравилась жизненная сила жены, которая ладонью могла прихлопнуть сразу несколько ползающих тараканов. Я долго искал себе пару, и разве мой выбор пал не на самую обычную женщину на свете?

Даже если ее здоровье и вправду вызывало опасения, я не собирался обращаться за помощью к консультантам или начинать лечение, как это делают все. Случись такая напасть с кем-то из знакомых, я мог бы утешить его словами: «Это всего лишь болезнь, и стыдиться тут нечего», поскольку сам был уверен, что с моей женой ничего подобного произойти не может. Однако сейчас у меня язык не повернулся бы такое говорить. Честное слово, я совсем не был готов к этим ее странностям.

* * *

За день до того, как мне приснился этот сон, утром я отреза?ла тонкие ломтики от замороженного куска мяса. Ты сердито подгонял меня:

– Твою мать, долго еще будешь копаться?

Ты ведь знаешь, что если меня торопить, я теряюсь. Становлюсь как будто сама не своя, все валится из рук, и, наоборот, получается только хуже.

– Быстрей, давай быстрей!

Руки двигались так быстро, что шея стала горячей. Вдруг разделочная доска скользнула вперед. Тогда-то я и порезала палец, а на лезвии ножа появилась зазубрина. Я подняла указательный палец вверх, на нем быстро растекалась красная капля крови. Круглее, еще круглее. Положила палец в рот и успокоилась. Кажется, алый цвет и, как ни странно, сладковатый вкус крови заставили прийти в себя.

Ты принялся за второй кусок только что поджаренного мяса, но вдруг стал жевать все медленнее, а затем выплюнул все, что было во рту. Поковырявшись в этой массе, нашел что-то блестящее и завопил:

– Что это? Это же осколок ножа!

Я растерянно смотрела на тебя, на твое перекошенное от ярости лицо.

– А если бы я не заметил и проглотил, что было бы?! Я же мог умереть!

Почему я тогда не испугалась? Наоборот, стало еще спокойнее. Словно чья-то холодная рука легла на лоб. Неожиданно все вокруг отхлынуло от меня, как вода во время отлива. Стол, ты, кухонная мебель. Казалось, в бесконечном пространстве остались только я и стул подо мной.

Утро следующего дня. В сарае лужа крови. В нем я впервые увидела свое отраженное лицо.

* * *

– Ну и губы у тебя! Ты что, не накрасилась?

Я разулся, схватил стоящую в растерянности жену за рукав черного полупальто и потащил в спальню.

– Ты собралась идти в таком виде?

В зеркале над туалетным столиком отразились наши лица.

– Давай мажься.

Она осторожно высвободилась из моей руки. Открыла пудреницу и прошлась по лицу спонжем. Белая крем-пудра легла на кожу, и жена стала похожа на пыльную тряпичную куклу. Накрасив пепельные губы помадой яркого кораллового цвета – жена раньше всегда пользовалась ею, – она стерла с лица мертвенную бледность, свойственную больным людям. Я успокоился.

– Опаздываем. Поторопись.

Я вышел первым. Нажав на кнопку лифта, с нетерпением смотрел, как жена не спеша сует ноги в синие кроссовки. Спортивная обувь совсем не подходила к полупальто, но другой обуви не было. Она не носила сапоги или ботинки. Все вещи и предметы из кожи она выбросила.

Первым забравшись в машину, стоявшую с заведенным мотором, я услышал сводку о ситуации на трассах. Прислушался, чтобы узнать, сколько времени займет дорога до центра, где в ресторане традиционной корейской кухни директором фирмы был заказан банкет, затем пристегнулся и опустил рычаг ручного тормоза. Через несколько секунд жена, обдав меня струей холодного воздуха, который исходил от ее пальто, уселась рядом и, повозившись с ремнем безопасности, защелкнула замок.

– Сегодня ты должна показать себя с лучшей стороны. Директор впервые позвал меня, менеджера, на такой ужин, где собирается только высшее руководство фирмы и их жены. Вот как он ценит меня.

Благодаря тому, что я выбрал маршрут по новой дороге и мчался с максимально дозволенной скоростью, мы смогли доехать впритык к назначенному времени. Сразу стало понятно, что этот двухэтажный ресторан с довольно широкой парковкой – весьма шикарное заведение.

Последние холода не сдавались. Жена в тонком осеннем пальтишке стояла у машины и зябла на ветру. Всю дорогу она молчала, но я уже привык к этому и ни о чем не беспокоился. Это хорошо, что много не болтает, и вообще, людям в возрасте нравятся такие женщины. Эти мысли легко сняли некоторую напряженность, сковывавшую меня.

Директор фирмы, исполнительный директор, коммерческий директор с супругами уже были на месте. Начальник моего отдела со своей половиной прибыли сразу вслед за нами. Обменявшись с ними приветствиями и шутками, я разделся, взял пальто у жены и повесил одежду на вешалку. По указанию супруги директора, дамы с тонко выщипанными бровями, обвешанной бусами из огромных нефритовых камней, мы встали у длинного стола, накрытого для банкета. Все вели себя непринужденно, словно не раз бывали в этом ресторане. Рассматривая потолок, стилизованный под крышу традиционного дома с коньками по четырем сторонам, и краем глаза поглядывая на сделанный из камня аквариум с золотыми рыбками, я сел на свое место. В тот момент, когда я без всякой мысли повернулся к жене, в глаза бросилась ее грудь.

Она надела слегка облегающую черную блузку, и через ткань четко вырисовывались очертания сосков. Сомнений быть не могло, она пришла сюда без бюстгальтера. Быстро оглядывая сидящих – заметил кто или нет, – я встретил взгляд супруги директора. Она притворялась невозмутимой, но в ее глазах светились изумление, любопытство, и сомнение, стоит ли выказывать презрение. Все это я понял в один миг.

Я почувствовал, как по щекам разлился румянец. Осознав, что именно кроется во взглядах, искоса бросаемых женщинами на мою жену, которая сидела с безразличным видом, не участвуя в их светской беседе, я сделал единственно правильный выбор – повел себя естественно.

– Вы без проблем нашли это место? – спросила жена директора.

– Да. Как-то проезжал мимо этого заведения. Двор перед рестораном так хорош, что захотелось побывать здесь.

– А, вот как… Согласна, сад они красиво оформили. Днем здесь еще лучше. А из того окна видна клумба.

Однако когда начали подавать кушанья, туго натянутая нить усилий, едва удерживаемая мной, оборвалась.

Первым подали блюдо, изготовленное по старинному рецепту. Оно состояло из нарезанных соломкой гречишного желе, трав, грибов и жареной говядины. Жена, до сих пор не проронившая ни слова, остановила официанта, занесшего

над ее тарелкой маленький половник:

– Я не буду это есть.

Голос прозвучал очень тихо, но движение за столом прекратилось. Поймав на себе удивленные взгляды всех присутствующих, она повторила немного громче:

– Я не ем мясо.

– Так вы вегетарианка? – радостно воскликнул директор. – За границей кое-где встречаются строгие вегетарианцы. И в нашей стране, кажется, они начали появляться. В печати, особенно в последнее время, стали часто нападать на тех, кто питается мясом… Иногда думаешь: может стоит отказаться от животной пищи ради долгих лет жизни? Мне кажется, есть в этом разумное зерно.

– Но разве можно жить, совсем отказавшись от мяса? – сказала супруга директора, надев на лицо улыбку.

Тарелка жены оставалась на столе единственным белым пятном. Официант собрал остальные девять и исчез. Разговор, конечно, перешел к вегетарианству.

– Недавно нашли мумию человека, жившего пятьсот тысяч лет назад? Слышал об этом? Подумать только – рядом с ней обнаружили следы каких-то приспособлений для охоты. Поедание мяса – человеческий инстинкт. А то, что называют вегетарианством, противоречит этому инстинкту. И поэтому оно противоестественно.

– В наши дни можно встретить и тех, кто питается одной растительной пищей, руководствуясь принципами натурфилософии… Чтобы узнать, какой у меня конституционный тип телосложения, разобраться, к какой пище предрасположен мой организм, я посетила несколько заведений, и, куда бы ни пришла, везде говорили по-разному. И каждый раз я пробовала изменить свое меню, но все время на душе было как-то неспокойно… Вот я и подумала, а не лучше ли просто есть всего понемногу.

– Как не быть здоровым, если есть всего понемногу и все, что хочется? Это и есть доказательство благополучия человека, будь оно физическое или

психологическое.

Это сказала супруга исполнительного директора, украдкой бросавшая взгляды на торчащие соски жены. Наконец стрела этой дамы полетела прямо к цели.

– А по какой причине вы стали вегетарианкой?… Или дело в религиозных принципах?

– Нет.

Словно совсем не осознавая, сколько сил мне пришлось потратить, чтобы оказаться здесь, среди этих людей, жена тихо и невозмутимо разжала губы. Вдруг я почувствовал, как по спине побежали мурашки: я знал наверняка, что она собирается сказать.

– …Я видела сон.

Не успела она произнести эти слова, как влез я:

– Жена долгое время страдала болезнью желудка. Из-за этого даже спать по ночам не могла. По совету врача восточной медицины она перестала есть мясо, и ей сделалось намного лучше.

Только после этого объяснения все закивали головами.

– Какое счастье, что диета помогла. Я на самом деле никогда не сидела за одним столом с вегетарианцем. Как это должно быть неприятно – делить трапезу с тем, кто может с отвращением думать о тебе, глядя, как ты ешь мясо. Мне кажется, питание только растительной пищей по психологическим причинам может вызвать ненависть к плотоядным. А что вы думаете по этому поводу?

– Наверное, такое настроение овладевает тобой, и когда ты с аппетитом поедаешь маленьких осьминогов, а сидящая рядом женщина смотрит на тебя зверем, глядя, как они цепляются щупальцами за палочки, которые ты подносишь ко рту.

Вспыхнул смех. Я тоже присоединился к общему веселью, но хорошо осознавал все. Осознавал, что жена не смеется вместе со всеми. Что она, не слушая, о чем говорят окружающие, смотрит на их губы, блестящие от кунжутного масла. Что каждый за этим столом чувствует себя неловко от ее взгляда.

Подали жаренные в кляре кусочки цыпленка в пикантном остром соусе. Потом принесли сырого тунца. Пока все наслаждались вкусом деликатеса, жена не шевельнула даже мизинцем. Демонстрируя сквозь блузку четкие формы сосков, похожих на маленькие желуди, она внимательно, словно впитывая в себя все происходящее, наблюдала за губами собравшихся людей: как они ими двигают, как раскрывают их, сжимают, облизывают.

Около десяти великолепных блюд подали на этом банкете, и из всего предложенного жена позволила себе только овощной салат, кимчхи и суп-пюре из тыквы. Даже жидкую кашу оригинального вкуса из клейкого риса особого сорта она есть не стала, потому что зерна до варки выдерживали в мясном бульоне. А собравшиеся между тем продолжили разговор так, словно и не было ее рядом с ними. Лишь ко мне снисходительно, словно из жалости, кто-то изредка обращался, но в душе я чувствовал, что тоже вызываю у них презрение.

На десерт принесли фрукты, и жена взяла кусочек яблока и дольку апельсина.

– Вы не голодны? Ведь ничего почти не ели.

Так супруга директора великолепно поставленным светским голосом выразила беспокойство. Жена в ответ не улыбнулась, не покраснела, не растерялась, а только молча посмотрела прямо в ухоженное лицо этой благородной дамы. Потекли секунды, за столом воцарилась тяжелая атмосфера. Знала ли жена, куда она попала? Знала ли, кто эта немолодая женщина? Мысли жены, ее внутренний мир, куда мне ни разу не довелось заглянуть, я ощутил как бесконечно глубокую яму, ловушку для себя.

* * *

Надо было что-то делать.

Тем вечером, чувствуя, что все пошло прахом, я вел машину и всю дорогу думал. Жена казалась спокойной. Кажется, она вообще не понимала, что натворила. То ли ей хотелось спать, то ли она устала, но она сидела, прислонив голову к окну. Случись такое раньше, я бы по обыкновению наорал на нее: «Ты что, хочешь увидеть, как мужа выгонят с работы? Что ты вообще себе позволяешь?»

Но сейчас интуиция мне подсказывала: все мои слова бесполезны. Я мог негодовать, пытаться убедить, но ничто не заставило бы ее измениться. Наши отношения уже прошли ту стадию, когда я мог своими руками исправить ситуацию.

Жена приняла душ, надела ночную сорочку и вместо спальни направилась в свою комнату, а я в гостиной походил из угла в угол и остановился у телефона. В далеком маленьком городке трубку подняла теща. Время было непозднее, но голос ее показался сонным:

– Вы там в порядке? Что-то давно от вас нет никаких вестей.

– Да, все нормально. Я сейчас очень занят, поэтому давно не звонил. А как вы, здоров ли отец?

– Мы-то что, у нас всё как всегда. А как твои дела на работе? Все хорошо?

Я немного замешкался, затем сказал:

– У меня все в порядке. Но с женой…

– А что с Ёнхе? Что-то случилось?

В голосе тещи прозвучала тревога. Жена была ее второй дочерью, и я раньше не замечал, чтобы она особо заботилась о ней, но, должно быть, ребенок есть ребенок, никуда не денешься.

– Она не ест мясо.

– Что?

– Она совсем не ест ни мясо, ни рыбу, питается только травой. Вот уже несколько месяцев.

– Не пойму, о чем ты. Это не диета какая-нибудь?

– Трудно сказать. Как я ни отговаривал, не слушает. Из-за этого я сам уже давно дома не ем мясо.

Теща потеряла дар речи. Пока она пребывала в таком состоянии, я решил окончательно.

– Она похудела и ослабла. Не знаю даже, что и делать.

– Это никуда не годится. Если Ёнхе рядом, передай ей трубку.

– Она пошла спать. Завтра утром скажу ей, чтобы позвонила вам.

– Не надо, оставь. Завтра утром я сама ей позвоню. Что это она вдруг… Раньше такого за ней не водилось… Ты уж прости.

Закончив разговор, я полистал записную книжку и набрал номер старшей сестры моей жены. Трехлетний племянник поднял трубку и закричал: «Алло!»

– Маму позови, пожалуйста.

– Слушаю, – тут же ответила свояченица. Внешне сестры похожи, но у старшей глаза больше, поэтому она кажется симпатичнее, и к тому же ей не занимать женственности.

Ее голос, чуть-чуть гнусавый, во время наших телефонных разговоров всегда вызывал во мне некоторое сексуальное напряжение. Я рассказал ей о вегетарианстве жены теми же словами, что и несколько минут назад теще, и, выслушав такие же удивленные восклицания, извинения и обещания, положил трубку. Напоследок хотел позвонить шурину, брату жены, но раздумал. Третий звонок показался лишним.

* * *

Снова приснился сон.

Кто-то убил человека, кто-то другой незаметно спрятал труп, но когда я проснулась, я поняла, что забыла. Забыла, то ли я убила, то ли убили меня. Если я убила, то кого? Может, тебя? Это был какой-то очень близкий мне человек. Или нет, может, ты меня убил?.. Тогда кто спрятал труп? Ни я, ни ты, совершенно точно… Это была лопата. Я уверена. Острым краем огромной лопаты ударили по голове и убили. Гулкий отзвук. Растяжимое мгновение, когда металл обрушился на голову… Реальная картина падающего в темноту мертвого тела.

Этот сон я уже видела. Он приходил ко мне бесчисленное множество раз. А в нем – уже снившийся сон. Так бывает, когда под действием алкоголя вспоминаешь прошедшее опьянение. Много раз кто-то кого-то убивает. Смутное, неуловимое… но до ужаса определенное ощущение.

Ты не поймешь, наверное. С некоторых пор мне страшно смотреть на того, кто режет что-то ножом на доске. Хоть сестра, хоть мама. Не могу объяснить почему. Только чувствую, что не хочу смотреть на это, нет сил. Поэтому я и старалась обращаться с ними со всей нежностью. Но это вовсе не означает, что вчера во сне убили маму или сестру. Просто осталось похожее ощущение, лишь это ощущение, бросающее в дрожь, грязное, ужасное, жестокое ощущение, что я своими руками убила человека или что меня кто-то лишил жизни, и если бы я не испытала его, то вряд ли смогла бы ощутить… нечто категоричное, разочаровывающее, тепловатое, как неостывшая кровь.

Интересно, из-за чего все как будто мне незнакомо? Кажется, я вошла куда-то с заднего входа. Кажется, меня заперли за дверью, у которой нет ручки. Или нет, видимо, почему-то только сейчас мне вдруг стало известно, что я здесь с самого начала. Темно. Все расплющено в черное пятно.

* * *

Вопреки моим ожиданиям ни теща, ни свояченица не сумели убедить жену пересмотреть свои взгляды на вегетарианство. По выходным теща спрашивала по телефону:

– Ёнхе по-прежнему не ест мясо?

Даже тесть, за все время нашей совместной жизни с его дочерью ни разу не соизволивший набрать наш номер, однажды позвонил и отругал ее. Возбужденный громкий голос, рвавшийся из трубки, доносился и до меня:

– Ты что там вытворяешь? О себе только думаешь. А что должен делать твой муж? Он ведь в самом расцвете сил?

Жена лишь слушала, даже обычные «да» или «нет» не произносила.

– Почему не отвечаешь? Ты слышишь, что тебе говорят?

На плите в кастрюле для супа закипела вода, и жена, молча положив трубку на стол, ушла на кухню. Ушла и не вернулась. Пожалев тестя, напрасно изрыгавшего ругательства, которые не доходили до адресата, я поднял трубку.

– Извините, отец.

– Нет, это я должен извиняться.

Такое от патриархального тестя я услышал впервые за все пять лет, что знал его, и очень удивился. Проявлять внимание к кому-то, выражать заботу, просить прощение – все это как-то не вязалось с ним. Он воевал во Вьетнаме и даже получил орден за военные заслуги, что было самым большим достижением в жизни этого человека, говорившего всегда настолько громким голосом, насколько твердой волей он обладал. «Я во Вьетнаме семерых вьетконговцев…» – начинавшийся этими словами рассказ из его репертуара и мне как зятю довелось услышать пару раз. Жена говорила, что росла, терпя от отца удары палкой по голени до семнадцати лет.

– …И без того в следующем месяце я собирался в Сеул. Приеду, посажу ее перед собой и поговорю как следует.

В июне день рождения тещи. Дом родителей далеко, поэтому живущие в столице дети поздравляли мать по телефону и отправляли подарки по почте. Но как раз в начале мая семья свояченицы переехала, и родители решили

навестить детей, чтобы заодно посмотреть на более просторную квартиру старшей дочери. Так и получилось, что встреча родственников во второе воскресенье приближающегося июня становилась самым большим событием за несколько лет. Открыто никто ничего не говорил, но было очевидно, что в этот день семья приготовилась вынести порицание моей жене.

Не знаю, догадывалась она об этом или нет, но, как и прежде невозмутимо, без суеты проживала день за днем. Если бы не ее упорное нежелание выполнять в постели супружеские обязанности – она ложилась спать в джинсах, – со стороны наши отношения казались бы вполне нормальными. Но с каждым днем она, продолжая худеть, изменялась, и когда на рассвете, найдя ощупью будильник и нажав кнопку, я с трудом заставлял себя встать, то видел ее, ровно лежащую на спине с открытыми глазами, и была она уже не такой, как раньше. После того злополучного ужина, устроенного руководством фирмы, коллеги некоторое время относились ко мне с подозрением, но как только запущенный мной проект начал приносить доход, и довольно ощутимый, все как будто кануло в Лету.

Иногда я думал, что нет ничего плохого в том, чтобы жить со странноватой женщиной. Жить как с чужим человеком. Или нет, как со старшей сестрой, которая готовит, накрывает на стол, убирает квартиру, или даже как с приходящей домработницей. Но моего возраста мужчине, который привык регулярно заниматься сексом с женой, пусть даже без особых эмоций, терпеть длительное половое воздержание очень нелегко. Случалось, вернувшись домой поздно ночью после попойки с коллегами, под воздействием алкоголя я брал жену силой. Заломив сопротивляющиеся руки, стаскивал с нее штаны и при этом чувствовал неожиданное возбуждение. Она ожесточенно сопротивлялась, но иногда – в среднем один раз на три попытки – мне удавалось, выдавив из себя площадную брань, проникать в нее. В такие минуты жена словно превращалась в одну из так называемых утешительниц – сексуальных рабынь, которые обслуживали японских солдат в годы Второй мировой войны, – и лежала с застывшим лицом, уставившись в темный потолок. Я кончал свое дело, и она, сразу же отвернувшись, с головой накрывалась одеялом. Пока я принимал душ, она, должно быть, приводила себя в порядок и, закончив играть свою незавидную роль, лежала с закрытыми глазами так спокойно, будто ничего не произошло.

В такие минуты меня охватывало странное и мрачное предчувствие. Пусть я уродился толстокожим и никогда не испытывал никаких предчувствий, темнота и тишина спальни заставляли меня сжиматься от страха. Наутро я с

нескрываемым отвращением смотрел на плотно сжатые губы жены, которая сидела за столом вполоборота ко мне и не реагировала на мои слова. На ее лице было написано, что она прошла через огонь и воду, преодолев все невзгоды, выпавшие на ее долю, и я ненавидел ее.

Был вечер за три дня до назначенной встречи с ее родственниками. В тот день в Сеуле стояла жара, побившая все рекорды, и во всех зданиях, больших и малых, работали кондиционеры. Я вернулся домой, уставший от холодного воздуха, продувавшего офис с утра до вечера. Открыв входную дверь, я тут же поспешно захлопнул ее за собой, увидев жену. А все потому, что мы живем в доме, в котором квартиры расположены как в гостинице – по обе стороны коридора, и я испугался, что кто-то в этот момент может ненароком пройти мимо. Жена в одних серых легких шортах, с обнаженным верхом, сидела за маленьким столиком перед телевизором и чистила картошку. Под выпиравшими ключицами виднелись ее груди, почти незаметные на фоне худых ребер.

– Почему ты разделась? – спросил я, пытаясь улыбнуться. Не поворачивая головы, продолжая чистить картошку, жена ответила:

– Жарко.

«Подними голову, – я сказал это про себя, стиснув зубы. – Подними голову и засмейся. Покажи мне, что ты шутишь». Однако она не смеялась. Стрелка часов приближалась к восьми, дверь на лоджию оставалась открытой, в квартире не могло быть жарко. Плечи жены покрылись пупырышками, похожими на кунжутные семечки. Куча картофельных очисток лежала на подстеленной газете. Рядом возвышался холмик из более чем тридцати картофелин.

– Что ты будешь с этим делать? – спросил я как можно спокойнее.

– Потушу.

– Вот это всё?

– Да.

Я выдавил улыбку, ожидая, что и она улыбнется мне в ответ. Однако она не улыбнулась. Даже не посмотрев на меня, сказала:

– Просто я ужасно хочу есть.

* * *

Во сне, когда я отрезаю кому-то голову, когда она еще болтается, не отрезанная до конца, и я, схватив ее, режу дальше, когда кладу скользкий зрачок на ладонь и когда после этого просыпаюсь… Наяву, когда у меня возникает желание убить голубей, которые, переваливаясь с боку на бок, дефилируют передо мной, когда хочется придушить соседского кота, за которым я слежу уже давно, когда подгибаются колени и выступает холодный пот, когда мне кажется, что я стала другим человеком, когда другой человек возникает внутри меня и пожирает меня, все это время…

…В это время рот наполняется слюной. Проходя мимо мясной лавки, я закрываю рот. Из-за слюны, появляющейся у самого основания языка и смачивающей губы. Из-за слюны, что сочится между губами и течет вниз.

* * *

Если бы я могла спать. Если бы могла забыться хоть на час. Ночью, когда я то и дело просыпаюсь и босиком мечусь по комнатам, дом стоит уже холодный. Холодный, как остывший рис, как остывший суп. В черных окнах ничего не видно. Входная дверь время от времени громыхает, но стучаться некому. Вернувшись в спальню, суешь руку под одеяло и чувствуешь холод. Все остыло.

* * *

Теперь больше пяти минут поспать уже не удается. Стоит только забыться, как видишь сон. Скорее, даже не сон. Короткие сцены наплывают, сменяя друг друга. Блестящие глаза дикого зверя, кровь, размозженная голова, затем опять те же дикие глаза, словно поднимающиеся из моего нутра. Просыпаешься, вся дрожа, и проверяешь свои руки. Мягкие ли еще мои ногти. Слушаются ли меня мои зубы.

Единственное, чему я доверяю, – моя грудь. Я люблю свои груди. Потому что ими нельзя никого убить. Ведь и руки, и ноги, зубы и язык, и даже взгляд – это оружие, способное убить и нанести вред. А груди на такое не способны. У меня есть две такие круглые груди, и значит, все нормально. Пока все нормально. Однако почему мои груди все худеют? Теперь они не такие уж и круглые. Интересно, почему? Почему мое тело высыхает и высыхает? Что я собираюсь проткнуть, становясь такой острой?

* * *

Это был семнадцатый этаж залитого солнцем дома, окна которого выходили на юг. С лицевой стороны вид загораживало соседнее здание, но с заднего фасада открывалась полоска леса.

– Ну, теперь за тебя можно не переживать. Очень хорошая квартира тебе досталась, – сказала теща, беря в руки палочки и ложку.

Эту квартиру сестра моей жены приобрела в собственность благодаря тому, что она еще до замужества открыла маленькую лавочку, торговавшую косметикой. До рождения ребенка свояченица втрое увеличила торговую площадь, а после появления на свет сына лишь по вечерам приходила в свой магазинчик. Недавно, когда сыну исполнилось три года и он пошел в детский сад, она снова начала заниматься торговлей с утра до ночи.

Я завидовал мужу свояченицы. Он окончил университет искусств и жил как художник, но зарабатывать на жизнь живописью у него не очень получалось. Говорили, ему досталось наследство от родителей, но когда деньги только тратишь, ничего не зарабатывая, любое состояние может закончиться. Поскольку его жена трудилась, засучив рукава, свояк, очевидно, теперь мог жить со спокойной душой, занимаясь искусством. К тому же свояченица, как и моя жена когда-то, очень хорошо готовила. Посмотрев на накрытый к обеду стол, весь заставленный вкусностями, я вдруг почувствовал, как проголодался. Глядя на тело свояченицы, в меру упитанное, любуясь ее большими глазами, слушая ее мягкий голос, я с сожалением подумал: «Как много, должно быть, я упустил в своей жизни».

Жена, не сказав даже обычных для такого случая приветствий типа «Какая хорошая квартира!», «Как много всего наготовила! Устала небось?», сидела молча и ела рис с кимчхи. Кроме этого, на столе не было ничего, что она могла бы съесть. Ее палочки не коснулись даже аппетитных салатов, заправленных майонезом, ведь в его состав входят яйца.

Лицо жены потемнело от длительного недосыпания. Если бы ее увидел кто-то чужой, то принял бы за больного человека. Она, как обычно, была без лифчика, в светлой футболке, и если присмотреться, сквозь тонкую ткань пятнышками просвечивали соски. Несколько минут назад, как только мы вошли в прихожую, свояченица увела ее в спальню, но вскоре вышла оттуда первой. Судя по ее расстроенному лицу, жена отказалась надеть бюстгальтер.

– Сколько стоила квартира в этом доме?

–…Правда? Вчера зашел на сайт недвижимости и увидел, что цена этих квартир поднялась уже почти до пятидесяти миллионов вон. Говорят, в следующем году сюда и метро проведут.

– Как удачно у вас все получилось, – обратился я к свояку.

– Да я тут вообще ни при чем. Это все заслуги жены.

Пока мы вели вежливый, дружеский и прагматичный разговор, дети шумно, задирая друг друга, уплетали еду, да так, что за ушами трещало. Я задал вопрос свояченице:

– Сестра, вы все это сами приготовили?

Она слегка улыбнулась.

– Да я еще позавчера начала потихоньку готовить. А вот устрицы в остром маринаде. Я специально ходила за ними на рынок, зная, как их любит Ёнхе… А она даже к ним не притронулась.

Я затаил дыхание. Началось, наконец.

– Постойте. Ёнхе, ты всё продолжаешь? Ведь я же объяснил тебе, должна была понять…

Вслед за сердитым выговором отца на жену резко набросилась свояченица, укоряя ее:

– Ты, вообще, соображаешь, что делаешь? Человеческий организм должен получать необходимые питательные вещества… А если решила заделаться вегетарианкой, так хотя бы правильное меню составь себе. Ты только посмотри на свое лицо, на что оно стало похоже.

И даже жена шурина вставила слово:

– Я даже не узнала вас сначала. Слышала что-то, но и подумать не могла, что вы занялись вегетарианством вот так, во вред своему здоровью.

– Сейчас же кончай свое вегетарианство или что там. И давай, вот это, это, это – ешь, ешь быстро! Прошли времена, когда еды не хватало, сейчас всего вдоволь. С чего это тебе вдруг вздумалось такое?

Теща пыталась уговорить жену ставя перед ней тарелочки с жареной говядиной, свининой в кисло-сладком соусе, тушеным цыпленком, жареной каракатицей с лапшой под острой приправой.

– Ну, чего сидишь? Ешь, говорю! – раздался трескучий, как из паровозной топки, и настойчивый голос тестя.

– Ёнхе, ешь. Поешь, и сразу силы появятся. Пока человек жив, он должен подкреплять силы. Люди, что ушли в монастырь, могут обходиться без мяса, потому что они праведники и живут в одиночестве.

Свояченица все еще не теряла надежды образумить сестру. Дети не сводили с нее своих округлившихся от любопытства глаз. А она растерянно переводила взгляд с одного родственника на другого, будто не понимая, из-за чего поднялся такой переполох.

Несколько секунд длилось напряженное молчание. Я по очереди смотрел на лицо тестя, загорелое дочерна, на лицо тещи, сморщенное настолько, что не верилось, что когда-то она была молодой, на их глаза, полные беспокойства, на приподнятые в тревоге брови свояченицы, на ее мужа, сидящего с видом стороннего наблюдателя, на безразличные, но при этом недовольные лица шурина и его жены. Я надеялся, моя жена произнесет хоть что-то. Однако вместо этого она положила на стол палочки, и это был молчаливый ответ, который содержал единственное сообщение, направленное прямо в лица всех собравшихся. Ощущение тревоги пронеслось над столом. На этот раз теща ухватила своими палочками кусочек свинины. Поднеся мясо к самому рту дочери, она сказала:

– Ну, давай, скажи: «А-а-а». Съешь это.

Не открывая рта, жена пристально посмотрела на свою мать глазами, полными недоумения перед такой настойчивостью с ее стороны.

– Давай, открой рот. Не хочешь этого? Тогда вот это.

Теща взяла палочками кусочек жареной говядины. Жена по-прежнему сидела с закрытым ртом, и тогда теща опустила мясо и ухватила устрицу.

– Ты же с детства любила это. Как-то даже сказала мне, что хотела бы досыта наесться устрицами…

– Да, и я это помню. Поэтому, как увижу где-нибудь устрицы, так сразу мысли о Ёнхе появляются.

Свояченица пришла на помощь матери, словно отказ младшей сестры есть устрицы в остром соусе – самая большая беда, какая только может случиться. Палочки с устрицей на конце приближались ко рту жены, и она отодвинулась назад.

– Ешь скорее. Рука устала держать…

Рука тещи и в самом деле дрожала. Жена не выдержала и поднялась со своего места.

– Я это не ем.

Это были первые слова, четко произнесенные ею.

– Что?!

Возгласы тестя шурина, обладающих одинаковым сангвиническим темпераментом, раздались одновременно. Жена шурина быстро схватила мужа за рукав.

– Гляжу я на тебя, и сердце разрывается. Тебе все равно, что говорит отец? Сказано тебе есть, значит, надо есть.

Я предполагал, что жена ответит: «Извините, отец. Но я не могу это съесть». Однако в равнодушной интонации, с какой она ответила отцу, извинительные нотки отсутствовали:

– Я не ем мясо.

Палочки потерявшей надежду тещи опустились. Казалось, ее состарившееся лицо вот-вот скривится в отчаянном плаче. Нависла тишина, готовая тут же взорваться. Тесть поднял свои палочки. Ухватив ими кусок свинины, он обошел стол и встал перед моей женой.

Крепкого сложения, закаленный ежедневной работой, он стоял ко мне спиной, сгорбленной неумолимым временем, и держал мясо прямо у лица дочери.

– Ну, давай, съешь это. Послушайся отца, поешь. Мы все ради твоего же блага стараемся. Ну, чего ты упрямишься? А что будешь делать, если ненароком заболеешь от всего этого?

В его словах звучала такая сильная отцовская любовь, что у меня защемило сердце и невольно защипало в глазах. Должно быть, все собравшиеся почувствовали то же самое. Жена одной рукой отодвинула от своего лица палочки, мелко дрожавшие в воздухе.

– Отец, я не ем мясо.

Мгновение – и мощная ладонь тестя разрезала воздух. Жена получила пощечину.

– Отец! – закричала свояченица и схватила его за руку. Тесть, еще находясь в нервном возбуждении, стоял, кривя губы. Я знал, что когда-то он отличался крутым нравом, однако увидеть своими глазами, как он распускает руки, довелось впервые.

– Чон собан[5 - Собан – добавляется к фамилии женатого мужчины. Как правило, это обращение к младшему по возрасту.] и ты, Ёнхо, идите оба сюда.

Поколебавшись, я нерешительно подошел к жене. Удар был такой силы, что ее щека налилась кровью. Она тяжело дышала – казалось, она только сейчас потеряла самообладание.

– Держите ее вдвоем за руки.

– Что?

– Стоит только начать, а дальше сама будет есть. Где сейчас под небом найдется тот, кто не ест мяса?

Шурин поднялся со своего места, недовольный приказом отца:

– Сестра, попробуй съесть. Ведь это просто – сказать «да» и сделать вид, что ешь. Ну почему ты так ведешь себя перед отцом?

– Что ты там болтаешь? Хватай ее за руки. И ты, зять, тоже! – закричал тесть.

– Отец, зачем же так?

Свояченица взяла его за правую руку. Он отбросил в сторону палочки, схватил пальцами кусок свинины и подошел к моей жене. Та начала нерешительно пятиться, но ее схватил Ёнхо, поставил прямо и сказал умоляющим тоном:

– Сестра, давай по-хорошему. Возьми и съешь сама.

– Отец, пожалуйста, не надо!

Тесть вырвался из рук свояченицы с силой, в три раза превышающей ту, с какой она тянула его назад и с какой Ёнхо держал мою жену, и попытался засунуть ей в рот мясо. Жена застонала сквозь стиснутые зубы. Казалось, она не может произнести ни слова, боясь, что кусок окажется во рту.

– Отец!

Ёнхо кричал, просил тестя остановиться, но сам в растерянности продолжал крепко держать ее.

Тесть с силой вдавливал мясо в губы моей мучительно извивающейся жены. Сильными пальцами он сумел раскрыть ее губы, но со стиснутыми зубами ничего поделать не мог.

В конце концов, от злости, поднявшейся в нем до самой макушки, он еще раз ударил дочь по щеке.

– Отец!

Свояченица бросилась к тестю, обхватила его за пояс, но в этот момент ему удалось запихать кусок свинины в рот моей жены разжавшей зубы. Однако Ёнхо, уже уставший ее держать, ослабил хватку, и она с отвращением выплюнула мясо. У нее вырвался крик, напоминающий звериный рев.

– …Пусти!

Жена, согнувшись, побежала, как я подумал, в сторону прихожей, однако вдруг повернулась и схватила нож для фруктов, лежащий на обеденном столе.

– Ёнхе!..

Голос тещи, готовый сорваться, разрезал убийственную тишину. Дети уже не могли сдерживать слезы и разревелись.

Жена стояла, стиснув зубы. Посмотрев в глаза каждому, кто наблюдал за ней, она подняла нож.

– Остановите ее…

– Берегитесь!

Из запястья жены фонтаном брызнула кровь. На белые тарелочки, как капли дождя, пролилась багровая кровь. У жены подогнулись колени, она осела на пол. Отнял у нее нож свояк, до этого сидевший с безразличным видом.

– Чего стоишь? Принеси хоть полотенце, что ли!

Он умело, демонстрируя навык бойца, служившего в армейском спецназе, остановил кровь, а затем взвалил жену на спину.

– Спускайся скорее вниз и заводи машину.

Я суетливо искал свою обувь среди других пар. Всунул правую ногу в левую туфлю. Наконец, обувшись правильно, смог открыть дверь и выйти из квартиры.

* * *

…Собака, укусившая меня за ногу, привязана к мотоциклу отца. Я стою у ворот дома с плотной повязкой на голени. Под повязкой опаленная шерсть с хвоста этой собаки, наложенная на рану. Душный летний день. Пот течет по всему телу, даже когда просто стоишь. С трудом дышит и собака, высунув длинный красный язык. Это симпатичный белый пес, ростом выше меня. До того как он укусил дочь хозяина, в нашей округе все считали его умным животным. Отец подвесил собаку на дерево и, слегка подпалив ее шерсть, сказал, что не собирается сильно ее бить. Он где-то слышал, что самое нежное мясо у собаки, которая умерла от долгого бега. Отец завел мотоцикл и на большой скорости сорвался с места. И собака помчалась вместе с ним. Сделали два круга, три круга по одному и тому же пути. Я стою у ворот как вкопанная и смотрю на белую собаку – как она постепенно теряет силы, как задыхается, как крутит зрачками. Каждый раз, когда наши взгляды встречаются, я шире раскрываю глаза.

Гадкий пес. Как ты посмел укусить меня?

После пятого круга у собаки изо рта появляется пена. С шеи, обвязанной веревкой, стекает кровь. Собаку тянет мотоцикл, она волочится, поскуливая от боли. На шестом круге ее рвет темно-красной кровью. И с шеи, и изо рта льется кровь. Я стою прямо и смотрю на кровавую пену, на два блестящих глаза. Седьмой круг, я жду, когда появится пес, и вижу его вытянувшееся тело, брошенное отцом на заднее сиденье мотоцикла. Я стою и смотрю на болтающиеся лапы, открытые веки, налитые кровью глаза.

В тот вечер в нашем доме устроили большое застолье. На ужин явились все знающие отца мужчины, что жили в переулке рядом с рынком. Как мне сказали – чтобы зажила рана от укуса собаки, надо поесть похлебки из нее, и я попробовала. Вернее, я положила вареный рис в суп, перемешала и съела все без остатка. В нос бил специфический запах, и его не смог полностью перебить даже аромат семян кунжута. Помню, как увидела в миске с похлебкой блестящие глаза – они смотрели прямо на меня. Это были глаза бегущего пса, которого рвет кровавой пеной.

Со мной ничего не случилось, я не заболела. Со мной действительно совсем ничего не случилось.

* * *

Женщины остались дома, чтобы успокоить испуганных детей, шурин приводил в чувство тещу, упавшую в обморок, а мы со свояком помчались в ближайшую клинику за неотложной помощью. Лишь после того как в приемном покое были выполнены все необходимые формальности и жену поместили в обычную двухместную палату, мы оба осознали, что вся наша одежда в пятнах засохшей крови.

Жена спала, в ее правой руке была игла от капельницы. Мы со свояком молча смотрели на лицо моей спящей жены. Смотрели так, словно на нем написан какой-то ответ. Словно этот ответ можно расшифровать, если смотреть все время, не отрываясь.

– Поезжайте домой.

– …Да, поеду.

Свояк как будто хотел сказать мне что-то, однако сдержался. Я полез в карман, зацепил пальцами две бумажки по десять тысяч вон и протянул ему:

– В таком виде не стоит идти, купите что-нибудь в магазине внизу и переоденьтесь.

– А ты?.. Да, как жена соберется сюда, я скажу, чтобы прихватила с собой что-нибудь из моей одежды.

К ужину пришли свояченица и Ёнхо с женой. Сообщили, что тесть до сих пор не успокоился. Теща все порывалась ехать в больницу, но, по словам шурина, он запретил ей даже думать об этом.

– Как вообще такое могло произойти, да еще на глазах у детей?

Жена шурина, видимо, недавно плакала то ли от потрясения, то ли по другой причине, но с ее лица была смыта косметика, и глаза выглядели опухшими.

– Ваш отец уж слишком погорячился. Как можно бить дочь прямо перед зятем? Он и раньше позволял себе такое?

– Он вообще крутого нрава… Ёнхо весь в него, разве ты еще не поняла? Но отец с возрастом как будто остепенился.

– Зачем на меня-то напраслину возводить? – перебил сестру Ёнхо, но ответа не получил.

– К тому же Ёнхе с самого детства росла послушная, не смела даже пикнуть перед отцом, вот он и растерялся, не ожидая такого.

– То, что он решил силой заставить ее есть мясо, конечно же, чересчур, но почему сестра так упорно сопротивлялась? И нож зачем-то схватила… Я впервые в жизни видела такое. Не знаю, как теперь смотреть ей в глаза.

Пока свояченица присматривала за женой, я переоделся в футболку свояка и направился в сауну поблизости. Почерневшая кровь, засохшая на моем теле, смылась под душем. Окружающие бросали в мою сторону подозрительные взгляды. Меня тошнило от этого. Вся эта ситуация была мне противна. Казалось, я нахожусь в каком-то нереальном мире. Меня охватила ненависть к жене, и это чувство было сильнее страха и растерянности.

После ухода свояченицы в палате остались я, жена, старшеклассница, поступившая в больницу с прободением язвы желудка, и ее родители. Сидя у изголовья жены, я спиной чувствовал на себе их косые взгляды, слышал, как они то и дело о чем-то шушукаются. Но это длинное воскресенье скоро закончится, и наступит понедельник. И тогда можно будет больше не видеть эту женщину. Завтра мое место займет свояченица, а послезавтра жену выпишут. Выписка означает, что мне придется жить вместе с этой странной и страшной женщиной в одной квартире. Мне было это трудно принять.

На следующий вечер в девять я отправился в больницу. Свояченица встретила меня с улыбкой:

– Устали, должно быть.

– А ребенок с кем?..

– Сегодня папа Чиу не пошел на работу.

Устроил бы кто-нибудь из коллег совместный ужин с выпивкой, как это часто бывает у нас после рабочего дня, я бы не оказался в палате в такое время. Но неделя только началась, никаких мероприятий в понедельник не планировалось. Недавно закончили срочный проект, поэтому и в сверхурочной работе также не было необходимости.

– Как жена?

– Спала все время. Не отвечает ни на какие вопросы. Поела хорошо… Думаю, все будет нормально.

Ее особая любезная манера говорить, всегда бравшая меня за сердце, немного сгладила мое раздражение. Через полчаса после ухода свояченицы я развязал галстук подумал, что надо бы помыться, как вдруг в дверь постучали.

К моему удивлению, в палату вошла теща.

– …Вы уж простите нас за все.

Это было первое, что она выдохнула, подойдя ближе.

– Да что вы такое говорите? Как вы себя чувствуете?

Теща тяжело вздохнула:

– Не думала, что на старости лет нам придется такое пережить…

И протянула мне полиэтиленовую сумку.

– Что это?

– Это я еще до приезда в Сеул приготовила. Ёнхе несколько месяцев не ела мяса, вот я и подумала, что исхудала она небось… Здесь для вас двоих, принимайте вместе. Это эликсир из мяса черной козы[6 - В Корее считается полезной пищевой добавкой, которая способствует укреплению ослабленного организма.]. Узнай мать Чиу, так не пустила бы, вот я и вышла с этой сумкой незаметно. Скажи Ёнхе, что это препарат китайской медицины, и попробуй скормить. В нем много всяких трав и лекарственных добавок, поэтому и запаха не должно быть. И без того высохла вся, в чем только душа держится, а тут еще столько крови из нее вытекло…

Неиссякаемая материнская любовь обескуражила меня.

– Здесь есть микроволновка? Схожу к медсестре, узнаю.

Теща достала из сумки пакетик с настойкой и вышла. Чувствуя, как раздражение, которое с трудом улеглось благодаря свояченице, снова поднимается во мне, я скомкал галстук.

Не прошло много времени, как проснулась жена. Хорошо, что это произошло в присутствии тещи, а не тогда, когда я был один. Только теперь я понял, как мне повезло, что она явилась сюда.

Жена сначала встретилась глазами с матерью, а не со мной, сидящим у ее ног. Теща как раз входила в палату и вдруг радостно улыбнулась; что выражало лицо жены, понять было трудно. От того, что она проспала весь день, она казалась довольно спокойной, и то ли благодаря капельнице, то ли просто лицо посветлело, но выглядела она лучше, чем вчера.

Держа дымящуюся настойку в бумажном стакане, теща подошла к жене и схватила за руку.

– Доченька моя…

Ее глаза наполнились слезами.

– Выпей это. Ведь ни кровинки в твоем лице.

Жена послушно взяла стаканчик.

– Это китайское лекарство. Приготовила для тебя, чтоб ты поправилась скорее. Помнишь, давно, еще до замужества, ты пила такой эликсир для укрепления здоровья?

Жена понюхала содержимое стакана и помотала головой:

– Но это не китайское лекарство.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сочжу – корейская водка.

2

Популярное японское блюдо, состоящее из тонких кусков мяса, грибов, овощей и соуса.

3

Корейский вариант японских роллов с различной начинкой.

4

Смесь из вареного риса, мяса, овощей, куриного яйца, острого соевого соуса.

5

Собан – добавляется к фамилии женатого мужчины. Как правило, это обращение к младшему по возрасту.

6

В Корее считается полезной пищевой добавкой, которая способствует укреплению ослабленного организма.

Купить: https://tellnovel.com/ru/han_gan/vegetarianka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить